

УДК 327

**ХАРАКТЕР АМЕРИКАНО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
«ЛУИЗИАНСКОЙ СДЕЛКИ»**

Р.В. Пеньковцев

Аннотация

В начале XIX века политическое взаимодействие Соединенных Штатов и Франции интенсивно развивалось. Основные сложности во взаимоотношениях двух стран были связаны с вопросом о статусе и перспективах французских колоний в Северной Америке, в первую очередь территории Луизианы. «Луизианская сделка» была призвана урегулировать значительную часть этих проблем. Несомненно, сегодня штат Луизиана является самым «французским» в США с политической и культурной точки зрения. Западная политическая наука обогатилась рядом серьезных современных исследований, выявляющих роль и значение «луизианского фактора» для последующего развития межгосударственных отношений.

Ключевые слова: США, Франции, международные отношения, новая история, XIX век, колонии, Луизиана, «луизианская сделка», Наполеон Бонапарт, Томас Джефферсон.

Пару лет назад Луизиана торжественно отмечала двухсотлетие покупки французских территорий Соединенными Штатами. В рамках торжеств состоялся целый ряд мероприятий, подтвердивших, что французское наследие здесь по-прежнему живо. Особое внимание при этом уделялось событиям эпохи Наполеона I Бонапарта, что не случайно. История Луизианы соединяет в себе французские, испанские и американские элементы, но сбалансированность этих элементов в значительной мере была изменена историческими решениями французского императора. В преддверии юбилея западная политическая наука обогатилась рядом серьезных исследований, непосредственно выявляющих «луизианский фактор» в системе франко-американских отношений. Большинство авторов согласны с тем утверждением, что мощь и благоденствие США исторически были предопределены тремя важнейшими факторами: Декларацией о независимости, Конституцией и территорией Луизианы, приобретенной у Наполеона [1, р. 219–220; 2, р. 9, 90].

Вероятно, первым европейцем, вступившим на земли Луизианы, был испанец А. де Пинедо. Это открытие случилось предположительно в 1519 г. Он же установил тут первый европейский флаг – объединенного королевства Кастилии и Арагона. Таким образом, именно Испания первой приступила к колонизации этой территории. Однако уже в 1682 г. путешественники во главе с маркизом Р. де Ла Салем спустились по Миссисипи до Мексиканского залива и

водрузили в дельте реки новый флаг, уже с французским гербом. Они провозгласили Миссисипи со всеми прилегающими к ее бассейну землями собственностью Франции. Стоя у огромного деревянного креста, Ла Саль обратился к колонистам и индейцам: «Сим оповещаю, что именем короля Людовика XIV я беру во владения французской короны землю, поименованную мной Луизианой» [3, р. 12–13]. Земли, названные в честь короля Людовика XIV, занимали примерно треть территории, которую ныне представляют собой США. Юридическое оформление новоприобретений произошло лишь в 1731 году, когда Луизиана официально получила статус французской колонии.

Международное сообщество в тот период не стало оспаривать французских действий. В Европе этот регион вообще называли «большим белым слоном», который мало кого интересовал: энергичные английские колонисты были заняты процессом освоения восточного побережья.

Освоение новой французской провинции не было скоротечным процессом. Только в 1712 г. сюда прибыл А. де ля Мот Кадиллак, которого принято считать первым французским губернатором Луизианы. Подавляющее число первых поселенцев Луизианы составляли миссионеры из иезуитского и капуцинского орденов. Велико было здесь влияние Западной, а затем Индийской торговых компаний, созданных по заданию французского правительства. Руководствуясь в первую очередь торговыми потребностями, в 1718 г. Ж. де Бенвиль основал в устье Миссисипи город, который был назван Новым Орлеаном в честь Филиппа Второго, герцога Орлеанского [4, р. 94]. С 1722 года город стал столицей всей Луизианы. Урбанизация Нового Орлеана протекала достаточно интенсивно: если в 1722 г. здесь насчитывалось 300 жителей, то в 1728 г. их число возросло до 1000 человек.

Однако французские королевские власти не обнаружили в Луизиане значимого экономического или политического ресурса. Колониальная администрация в отчете, посланном ко двору Людовика XV, сообщала: «Основную часть населения колонии составляют отбросы из Канады, солдаты не обучены, не годны для службы, о воинской дисциплине не имеют ровно никакого понятия, и вся колония абсолютно ничего не стоит в настоящее время». Вследствие подобных утверждений французский король в 1763 г. принял решение подарить заокеанские владения своему испанскому кузену Карлу III в качестве компенсации за потери в общей войне против Англии. Акт передачи сопровождался следующими словами: «Я понимаю, что Луизиана лишь в малой степени компенсирует потери (в войне) Вашего Величества» [5, р. 376–378]. Испания безо всякого энтузиазма приняла Луизиану под свое покровительство, руководствуясь в первую очередь опасением того, что территория может быть захвачена Англией.

Испания владела Луизианой вплоть до 1803 года. За этот период здесь произошли важные структурные изменения. Так, в 1794 г. Испанская корона признала западную границу Соединенных Штатов по левому берегу Миссисипи и гарантировала американским гражданам свободное плавание до устья реки с «правом привозить, складировать в порту Нового Орлеана и экспортировать отсюда свои товары далее без какой-либо другой платы...» [6, р. 45]. Это в значительной степени способствовало расширению американской торговли на Миссисипи и укреплению фермерского хозяйства в районе Огайо. США еще

более упрочили свои позиции в Новом Орлеане после того, как в 1795 г. был заключен известный «договор Пинкни», положивший начало коллективному испано-американскому управлению.

Торговый путь по реке Миссисипи к концу XVIII в. приобрел фактически международное значение. Различные виды товаров, и в первую очередь табак, сплавливались водой на восточный берег, а оттуда – в Европу. Этот путь был намного более удобен, чем по суше. Именно через Новый Орлеан фермеры западных штатов экспортировали основную часть своих товаров.

В сентябре 1800 г. посланники уже республиканской Франции представили на рассмотрение испанского короля Карла IV неожиданный проект. Наполеон Бонапарт в качестве первого консула предложил Испании обменять далекую Луизиану на недавно завоеванную им область Этрурию в Тоскане, что было чрезвычайно выгодно для Испании. С практической точки зрения французская колониальная армия, обосновавшись в Луизиане, могла гарантировать безопасность калифорнийским владениям Испании. В широком же смысле в лице наполеоновской Франции Испания получала сильного стратегического союзника, и союз этот призван был ослабить гегемонию Британской империи в Новом Свете. Колониальная политика Наполеона вполне соответствовала испанским устремлениям, так как, имея прочный плацдарм в Луизиане, он мог надеяться на определенный реванш за поражение от Британии в Канаде. Таким образом, франко-испанское сближение по вопросу о Луизиане имело ярко выраженный антибританский характер, что было подтверждено Сан-Ильдефонским секретным соглашением в октябре 1800 г. [7, с. 300–301].

При подписании данного договора испанская сторона особо настаивала на том, чтобы Франция дала твердые гарантии «не продавать или отчуждать каким-либо образом собственность и права владения этой провинцией». Такое обещание Наполеон охотно дал. В июле 1802 г. французский посол в Мадриде торжественно заявил, что «Франция никогда никому не передаст Луизиану» [2, р. 48–49]. Процедура же фактической передачи колониальных полномочий на местах протекала столь неспешно, что так и не была завершена до конца.

Хотя переговоры о Луизиане проходили в обстановке строгой секретности, уже весной 1801 г. слухи о них стали проникать в Соединенные Штаты. Информация полностью подтвердилась, когда Р. Кинг – американский посланник в Лондоне – ознакомился с копией указанного франко-испанского соглашения. Широкие планы Наполеона в Новом Свете вызвали обеспокоенность правительства США. В декабре 1802 г. в своем ежегодном послании к Конгрессу, президент Томас Джефферсон заявил: «Уступка Испанией своей провинции Луизианы Франции, которая имела место в ходе последней войны... приведет к изменению характера наших международных отношений» [8, р. 343]. Т. Джефферсон отлично понимал, что «испанская Луизиана» не представляла непосредственной угрозы для Соединенных Штатов, но многое могло измениться с появлением «наполеоновской Луизианы».

Соединенные Штаты опасались не столько военной экспансии со стороны наполеоновской Франции (что в сложившейся международной обстановке было маловероятно), сколько ее экономического и административного потенциала. Испанский колониализм в его традиционной форме нигде не вызывал дос-

таточного доверия и симпатий у местного населения. Новый французский колониализм, напротив, содержал в себе элементы политико-правового либерализма и передовые экономические концепции. Все это могло стать притягательным не только для европейских поселенцев, но и для индейских племен, традиционно притесняемых, в том числе и самими Штатами. Останутся ли США в доминирующем положении на континенте или же Наполеон возьмет инициативу в свои руки? Так или примерно так звучал вопрос, волновавший президента Джефферсона.

Не дожидаясь акта официальной передачи, власти США пошли на обострение отношений с испанской администрацией Луизианы. Они планомерно наращивали американское экономическое и даже военное присутствие в регионе, стремясь если не юридически, то хотя бы фактически контролировать происходящие тут процессы. Дело дошло до того, что летом 1802 г. Испания ликвидировала большинство элементов коллективного управления в Новом Орлеане. По официальной версии Мадрида, сделано это было для того, чтобы «пресечь американскую контрабанду», а также в ответ на «плохое отношение» к испанским морякам в американских портах. Когда же правительство США пригрозило ввести в город войска, испанцы официально предъявили текст франко-испанского соглашения по Луизиане [6, р. 39–40]. С Наполеоном США конфликтовать не решились и отступили. Поэтому в конце 1802 г. склады новоорлеанского порта были заполнены нереализованными американскими товарами и часто подвергались разграблению. Нарушились торгово-экономические связи между Восточным и Западным побережьями, неуклонно расширявшиеся с XVII в. Особенно сложным стало положение американских фермеров, которым грозил переход во французское подданство, непредсказуемый по своим последствиям.

Наиболее решительно был настроен Конгресс США, где сформировалась довольно многочисленная фракция сторонников силового решения проблемы. Так, сенатор от Пенсильвании Джеймс Росс предлагал немедленно собрать 50-тысячное войско для захвата Нового Орлеана вооруженным путем и получил значительную поддержку коллег. Однако Т. Джефферсон понимал всю пагубность войны с Францией и предложил иной, менее болезненный способ улаживания территориального конфликта. Он предложил купить Новый Орлеан. Мотивируя этот довольно неординарный шаг, госсекретарь Дж. Мэдисон заявил: «Миссисипи – это для нас все. Вместе с Гудзоном, реками Делавэр и Потомак мы получим единую систему водного транспорта» [4, р. 114].

На самом деле проект Джефферсона не был спонтанным. Еще весной 1802 г. американскому посольству в Париже было поручено прозондировать почву о возможных льготах для американских товаров в условиях будущего французского управления Луизианой. По неофициальным каналам в Соединенных Штатах стало известно о недовольстве Наполеона тем положением дел, которое сложилось в новоорлеанской торговле, приносившей значительные убытки. Растущая экономическая слабость колонии подрывала надежды Наполеона на то, чтобы сделать из Луизианы форпост на пути британского господства в Америке.

Томас Джефферсон решил сыграть на этих англо-французских противоречиях. В апреле 1802 г. американский посланник в Париже Роберт Ливингстон

получил от президента письмо следующего содержания: «Сейчас есть только одно место на глобусе, владелец которого неизбежно станет нашим врагом. Это Новый Орлеан. Товары, поступающие с трети нашей территории, идут через этот порт. Если французы станут его владельцами, нам ничего не останется, как встать под знамена Англии...» [1, р. 68, 70]. Одновременно с этим Ливингстону было поручено выяснить, не готово ли наполеоновское правительство во имя сохранения добрых отношений с США перепродать им Новый Орлеан. Переговоры по этому поводу велись летом-осенью 1802 г., но интенсивными их назвать никак нельзя. Тем более что выдающийся французский дипломат Шарль-Морис Талейран охарактеризовал их как «преждевременные».

Эта «преждевременность» объясняется тем, что Наполеон в 1802 г. еще не до конца определил стратегию своего поведения в Новом Свете. Испания в силу своей военной и экономической слабости была для Франции плохим союзником. Ее традиционное присутствие на американском континенте скорее сковывало французские инициативы, чем содействовало им. Не надеясь на помощь испанцев, в 1801–1802 гг. Наполеон высылал французские военные контингенты на побережье Мексиканского залива, Карибские острова и строил планы по обеспечению контроля над испанской Флоридой. Такой стратегически важный порт, как Новый Орлеан, вполне вписывался в экспансионистскую систему Наполеона.

Однако французские инициативы на американском направлении в конце XVIII – начале XIX вв. не были успешны в практическом смысле. Наиболее серьезной неудачей следует признать события на Гаити, где местное население вело энергичную борьбу за независимость. Прежде чем преступить к осуществлению широких экспансионистских замыслов, для Наполеона было важно решить гаитянскую проблему. С этой целью им была предпринята известная экспедиционная кампания 1801–1802 гг., которая, несмотря на проявленную французскими войсками жестокость, не принесла ожидаемого результата. Крушение наполеоновских замыслов на Гаити, поражение и последующая гибель двадцатитысячного экспедиционного корпуса в значительной степени скорректировали заокеанскую политику Наполеона [9, с. 100].

В январе 1803 г. в самый разгар гаитянской кампании президент Джефферсон направил в Париж своего чрезвычайного и полномочного представителя, которым стал Джеймс Монро, бывший губернатор Виргинии и способный дипломат. Монро вместе с Ливингстоном должны были добиться от французского правительства положительного решения новоорлеанского вопроса. Назначение Дж. Монро не было случайным. Этот политик приобрел достаточный авторитет не только у себя в стране, но и в Европе, что подтверждало серьезность намерений Вашингтона. В одном из своих писем Джефферсон так охарактеризовал миссию Монро: «Мы должны знать, сможем ли мы приобрести Новый Орлеан или нет... Будущая судьба нашей страны зависит от результатов этих переговоров» [2, р. 49–50].

Джеймсу Монро было поручено прояснить финансовую сторону возможной сделки. Официально Конгресс США готов был выделить 2 млн. долларов на покупку Нового Орлеана. Несмотря на сложное экономическое положение страны, Джефферсон был готов увеличить эту сумму до 9 млн. 375 тыс. долла-

ров за отмену ограничительных торговых санкций в Луизиане. Сумма по тем временам была огромной, и обещать ее президент мог под личную ответственность. Американская казна не смогла найти средств даже на оплату поездки своей делегации в Париж. Известно, что Монро отправился во Францию за собственный счет, продав свою уникальную коллекцию китайского фарфора.

Полномочия Монро были достаточно широкими. Он мог обсуждать с наполеоновским правительством различные варианты компромисса, существенно меняя территориальные требования и финансовые границы. Минимум, на который была согласна американская сторона, состоял в том, чтобы заключить двусторонний договор, согласно которому американским купцам разрешалось бы свободно торговать в Новом Орлеане. Кроме того, американцы готовы были приобрести участок земли на восточном берегу Миссисипи, напротив Нового Орлеана, с тем, чтобы построить там собственный морской порт. И, наконец, в случае полного провала переговоров Монро обладал компетенцией отправиться в Лондон и предложить Великобритании альянс с ярко выраженной антифранцузской направленностью [2, р. 93–95].

Начало 1803 г. характеризуется усилением англо-французского противостояния. Обе стороны считали войну неизбежным явлением и готовились к ней. Лондон, в частности, рассматривал возможность отправки экспедиционной армии к Новому Орлеану. Помешать подобной акции у Наполеона не было ни сил, ни средств. Основной французский контингент по-прежнему был задействован на Гаити, где наметилась активизация партизанского сопротивления. Одновременное проведение континентальной блокады Британии и борьбы с ее колониальным могуществом представлялось делом слишком трудоемким даже для Франции. Кроме того, Наполеону требовались деньги для войны с Австрией.

В этот период, очевидно, произошла трансформация внешнеполитической стратегии Наполеона. Она состояла в том, что, признавая гаитянскую неудачу и предвидя затяжную континентальную борьбу, идею колониальной экспансии в западном полушарии он отодвинул на второй план. Отсутствие мощного флота и резервов не позволило бы Франции достаточно долго удерживать Луизиану от английского влияния. В сложившихся условиях именно от Штатов зависело, насколько возрастет или ослабеет британское присутствие в Новом Свете. И здесь решающее значение приобретал вопрос о Луизиане. Существовало несколько возможных сценариев его разрешения. В первом случае американцы могли бы воспользоваться европейской войной и захватить Луизиану безо всякой компенсации. В Париже было известно, что около 50 тысяч вооруженных американских добровольцев готовы были «присоединить» Новый Орлеан [4, р. 115]. Другой расклад вполне допускал создание англо-американского альянса по совместному освоению французских территорий за океаном. Понятно, что оба эти варианта Наполеона не устраивали. Таким образом, оставался третий, и неизбежный для Франции путь, – согласиться на предложения Соединенных Штатов.

Следуя инициативам Джефферсона, Франция не только получала деньги, необходимые ей для предстоящей войны внутри Европы, но и заручалась благожелательным нейтралитетом заокеанской республики. Несмотря на очевидные выгоды, Наполеон продолжал размышлять вплоть до марта 1803 г. Он принял

окончательное решение, лишь когда ему сообщили о полном истреблении французской армии на Гаити.

10 апреля 1803 г. Наполеон официально выразил намерение продать Луизиану Соединенным Штатам. Ответственным лицом по заключению сделки был назначен министр финансов Франсуа Барбе-Марбуа. Давая ему последние наставления, Наполеон сформулировал свои интересы следующим образом: «Я отказываюсь от Луизианы. Я уступаю не только Новый Орлеан, но и всю колонию. Сожалею, но пытаться сохранить ее было бы ошибкой» [1, р. 163–164]. С этого момента Франции не нужны были заокеанские владения, ей нужны были деньги, и как можно больше.

В начале переговорного процесса Барбе-Марбуа объявил сумму 22.5 млн. долларов. Сумма оказалась столь велика, что ни Ливингстон, ни Монро не считали себя вправе давать немедленный ответ, но срочно направили депешу в Вашингтон. Проведя консультации с членами Конгресса, президент Джефферсон рекомендовал своим эмиссарам назвать цифру в 4 млн. долларов, то есть в два с половиной раза ниже, чем планировалось изначально. Этот шаг не был случайным, поскольку Белый Дом отлично понимал сложившуюся международную конъюнктуру. Подобная сумма с французской точки зрения была смехотворной. Стало ясно, что финансовые переговоры будут носить принципиальный и длительный характер. В течение апреля 1803 г. состоялось несколько этапов торгов, и наконец была выявлена приемлемая для обеих сторон сумма, составившая 15 млн. долларов, или 80 млн. франков [2, р. 56–59].

Завершая переговоры, американская сторона признала, что подобной суммой федеральная казна не располагает. Однако опытный финансист Барбе-Марбуа нашел оригинальное решение, посоветовав американцам обратиться за кредитом к британским банкам. Английские банкиры достаточно быстро согласились предоставить заем в 10 млн. долларов сроком на 15 лет при 6% годовых. Таким образом, окончательная сумма, затрачиваемая Штатами, должна была составить около 27 млн. долларов. При этом и французская, и британская стороны поставили предельно сжатые сроки для принятия решения.

Монро и Ливингстон оказались в довольно сложном положении. Они отлично понимали, что финансовые дискуссии в Вашингтоне могут затянуться. Не было гарантий того, что Наполеон не передумает: слишком динамично развивались тогда события в Европе. Ливингстон колебался, но чрезвычайный и полномочный представитель Монро понимал уникальную возможность почти вдвое увеличить территорию Соединенных Штатов, сделать ее единой от берега до берега двух океанов. Фактически Дж. Монро принял решение на собственный страх и риск.

29 апреля 1803 г. американская делегация высказала согласие на предложенные условия. Акт подписания договора был назначен на следующий день, но в силу технических причин перенесен на 2 мая. Тем не менее на документе стоит дата 30 апреля 1803 г., его визируют подписи Барбе-Марбуа, Ливингстона и Монро. Из общей суммы 15 млн. долларов 11.25 млн. долларов получало французское правительство, а 3.75 млн. предназначались в качестве компенсации французам, чьи имущественные интересы затрагивала продажа Луизианы. Дополнительным условием сделки было предоставление всем местным жите-

лям гражданства Соединенных Штатов. Поставив свою подпись под договором, Ливингстон заявил: «Мы прожили долгую жизнь, но это – самое замечательное достижение всей нашей жизни... С этого дня Соединенные Штаты занимают свое место среди первых держав мира» [5, р. 760].

Заключая договор с США об уступке Луизианы, французское правительство даже не сочло нужным уведомить об этом мадридский двор и грубо нарушило торжественное обещание, данное им испанскому правительству, никогда и никому не передавать колонию. Однако для Дж. Монро было важно найти взаимопонимание с реальными хозяевами купленных территорий, и он отправился в Мадрид, где предложил также обсудить возможность продажи Флориды. Следует отметить, что к началу XIX в. по-прежнему не были определены границы, разделявшие французскую Луизиану и испанскую Флориду. Это позволяло американским политикам предельно широко трактовать свои территориальные притязания. Испанцы от проведения подобных переговоров категорически отказались [10, р. 136–137]. Они явно сожалели о продаже Луизианы, но предпринять что-либо были бессильны. Впрочем, испанская корона направила ноты протеста французской и американской сторонам, но это был лишь формальный шаг. В дальнейшем Испании не только пришлось отказаться от высказанных по «луизианской сделке» претензий, но и самой в 1819 г. уступить США всю Флориду и ряд других земель.

Договор о покупке Луизианы, подписанный Монро и Ливингстоном, с точки зрения американского законодательства не был безупречен. Конституция США не давала права правительству США и его эмиссарам покупать иностранные земли. По возвращении домой дипломаты столкнулись с достаточно жесткой критикой, которая была вполне предсказуемой. Одни противники считали, что такая огромная страна будет неуправляемой. Другие боялись, что Англия посягнет на эти неслыханные территории. Третьи говорили, что Конституция не предусматривает присоединения новых земель и предоставления гражданства их жителям. Критика исходила в первую очередь из Сената и Верховного суда, которые грозили отменить сделку как неконституционную [11, р. 111–112]. Если бы федералисты в это время были влиятельнее республиканцев, то покупка Луизианы вполне могла бы не состояться.

Важно подчеркнуть, что президент Джефферсон полностью поддержал решение, принятое дипломатами. Он поздравил американский народ с приобретением, имеющим историческое значение, заручившись поддержкой ряда влиятельных конгрессменов и сенаторов. Тем не менее критика не ослабевала. Например, группа конгрессменов от штата Массачусетс высказалась примерно так: «Мы не обязаны платить огромную сумму, которой у нас нет, за землю, которой у нас и без того слишком много». Чтобы положить конец спорам, Т. Джефферсон представил «луизианскую покупку» как договор, что входило в конституционные полномочия правительства. Позже он признавался, что в тот момент «растягивал Конституцию так, что она трещала», но это успокоило ситуацию в стране. Как утверждает американский историк и сотрудник новоорлеанского музея Чарльз Чемберлен, если бы «луизианская сделка» провалилась, то «США были бы маленькой свободной страной на краю огромного континента, занятого английскими, французскими и испанскими колониями» [12].

По мере освоения богатств нового штата число противников договора заметно уменьшилось, а вскоре они исчезли вовсе в общем хоре хвалебных речей. Недаром президент неоднократно подчеркивал: «Плодородие этого края, его климат и просторы обещают нам финансовое процветание, обильное пропитание и широчайшие возможности для благословения свободы». В октябре 1803 г. Джефферсон, выступая в Конгрессе, выразил должное Французской республике. Он сказал: «Просвещенное правительство Франции проявило завидную проникательность, согласившись на решение, выгодное обеим нациям, создающее великолепные возможности для мира, дружеских отношений и соблюдения интересов двух стран» [1, р. 221]. Джефферсон и его единомышленники (такие, как Монро) всегда мечтали об интенсивном продвижении на запад, к берегам Тихого океана, а покупка Луизианы перенесла их надежды на поле практической реальности. Будучи современниками тех событий, они не могли знать, что их решения будут признаны самой выгодной сделкой в истории Америки.

В то же время это была и одна из самых масштабных сделок с недвижимостью в мировой истории. 2144476 кв. км было куплено за 15 млн. долларов, что составляет менее 7 центов за гектар высокопродуктивных земель. Акт о покупке Луизианы, по существу, удвоил территорию Соединенных Штатов. На купленной в 1803 г. территории разместились 15 штатов: Монтана, Северная и Южная Дакота, Миннесота, Вайоминг, Небраска, Айова, Колорадо, Канзас и Арканзас, Миссури, Оклахома, Нью-Мексико, Техас и нынешняя Луизиана. Франция же одновременно отторгла от себя владения, которые по размерам почти в 5 раз превосходили ее саму. И дело не только в количестве, но и в качестве. Остро нуждавшийся в деньгах Наполеон собственными руками отдал край, богатый золотоносным песком, серебром, ценными породами дерева и плодородной почвой.

Фактическая передача Луизианы началась в июле 1803 г., когда американское правительство оповестило о сделке по-прежнему действовавшую тут испанскую администрацию. Дело в том, что к этому времени испанцы так и не успели сдать колонию французским властям. Только в ноябре 1803 г. испанский губернатор Луизианы официально передал ее французскому префекту. И наконец 20 декабря 1804 г. на состоявшейся в Новом Орлеане официальной церемонии новый префект торжественно сдал свои полномочия Уильяму Клейборну, теперь уже американскому губернатору Территории Миссисипи. Одновременно 80 тыс. луизианцев стали гражданами США. Так завершился извилистый исторический путь Луизианы – штата, по выражению самих американцев, «пережившего десять государственных флагов» [6, р. 130–131].

Луизиана по сей день остается самым «французским» штатом Америки. Французские корни здесь проявляются повсюду – в названии улиц, гастрономических предпочтениях, музыкальных темах. Даже система правосудия в Луизиане особая – не английская, а французская. Интересен тот факт, что наполеоновский кодекс начал действовать здесь с 1807 г., то есть спустя четыре года после того, как колонию купили Соединенные Штаты. С некоторыми изменениями он действует до сих пор. Из общего населения Луизианы в 1400000 жителей 230000 продолжают говорить по-французски. Более того, начиная с

1960-х годов тут реализуются многочисленные программы по сохранению французского языка и культуры, причем некоторые из них пользуются правительственной поддержкой [13, p. 48]. Пример современной Луизианы развенчивает миф о том, что исторически США были большой английской колонией. Английскими колониями были многие, но не все штаты. Вполне убедительным представляется мнение, высказанное современным историком из Нового Орлеана Ч. Чемберленом, который уверяет, что и в XXI в. «южные штаты – вчерашняя Луизиана – остаются по культуре Внешней Францией» [12].

Summary

R.V. Penkovtsev. The Character of the American-French Relations in Early 19th Century: a Historical Heritage of "Louisiana Purchase".

The political relations between the United States and France developed intensively in early 19th century. The fundamental problem of these relations was the question about status and prospects of French Colonies in the North America, especially the territory of Louisiana. "Louisiana Purchase" should explain the essential part of these problems. Undoubtedly, now the State of Louisiana is the most French one in the USA, from the political and cultural point of view. The western political science was enriched with some serious modern research showing the role and value of the "Louisiana factor" in the evolution of interstate relations.

Key words: USA, France, international relations, new history, 19th century, colonies, Louisiana, "Louisiana Purchase", Napoleon Bonaparte, Thomas Jefferson.

Литература

1. *Cerami Ch.* Jefferson's Great Gamble: The Remarkable Story of Jefferson, Napoleon and the Men Behind the Louisiana Purchase. – Naperville (Il.): Sourcebooks Inc., 2003. – 332 p.
2. *Lewis J.* The Louisiana Purchase: Jefferson's Noble Bargain? – Chapel Hill (N.C.): The University of North Carolina Press, 2006. – 112 p.
3. A Whole Country in Commotion: The Louisiana Purchase and the American Southwest / Ed. by P. Williams, Ch. Bolton, J. Whyne. – Arkansas: The University of Arkansas Press, 2005. – 252 p.
4. *Kennedy R.* Mr. Jefferson's Lost Cause: Land, Farmers, Slavery, and the Louisiana Purchase. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2003. – 376 p.
5. *Peterson M.* Thomas Jefferson and the New Nation: A Biography. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1986. – 1104 p.
6. *Kastor P.* The Great Acquisition: An Introduction to the Louisiana Purchase. – Great Falls (Mon.): Lewis & Clark Interpretive Association, 2003. – 182 p.
7. *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* Томас Джефферсон. – М.: Мысль, 1976. – 392 с.
8. A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1789–1902. / Ed. by J. Richardson. – Wash., 1903. – V. 1. – 586 p.
9. *Адамс В.П.* Томас Джефферсон / Американские президенты / Отв. ред. Ю. Хайдекинг. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 636 с.
10. *Sturgis A.* Presidents from Washington through Monroe, 1789–1825: Debating the Issues in Pro and Con Primary Documents. – Westport: Greenwood Press, 2001. – 240 p.
11. *Шелдон Г.* Политическая философия Томаса Джефферсона. – М.: Республика, 1996. – 255 с.

-
12. Почем Луизиана? К 200-летию покупки. Интервью с Ч. Чемберленом на «Радио Свобода» от 2 июня 2003 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.053103.asp.
  13. *Удиз Б.* Луизиана, двести лет спустя // Label France. – 2004. – Avril/Juin. – P. 48.

Поступила в редакцию
23.01.08

Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений и политологии Казанского государственного университета.